

Анна Сергеевна Ласточкина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Университетская наб., 7–9
anna.lastochkina@gmail.com

НЕНАДЕЖНАЯ НАРРАЦИЯ В РОМАНЕ У. ГОЛДИНГА «РИТУАЛЫ ПЛАВАНИЯ»

Статья посвящена ненадежной наррации в романе британского писателя У.Голдинга «Ритуалы плавания». Перечисляются и описываются различные авторские маркеры, дающие читателю возможность обнаруживать ненадежность. Постоянно изменяющийся уровень ненадежности нарратора позволяет конструировать сложный читательский путь. Демонстрируется, как ненадежность становится одним из инструментов реализации центральной философской идеи романа о принципиальной непостижимости жизни и ограниченности человеческих возможностей познания. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: нарратология, ненадежная наррация, Голдинг, интрадиегетический нарратор.

Anna S. Lastochkina

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
anna.lastochkina@gmail.com

UNRELIABLE NARRATION IN W. GOLDING'S NOVEL "RITES OF PASSAGE"

The article is dedicated to unreliable narration in W. Golding's "Rites of Passage". The article contains descriptions of various authorial markers of unreliability, such as the characters' direct and indirect speech, as well as their non-verbal reactions, contradictions between the narrator's and the implied reader's views and ethical norms, allusions to the texts by Golding and other authors, informational gaps, the narrator's accounts of his dreams, the narrator's writing style, contradictions between two narrators. The article explores how the constantly changing level of unreliability prepares the reader for the complicated journey through the text. The article shows how unreliability is used to introduce one of the central philosophical ideas of the novel — incomprehensibility of life and limitations of human cognitive abilities. Refs 12.

Keywords: narratology, unreliability, unreliable narrator, intradiegetic narrator, Golding.

Роман У.Голдинга «Ритуалы плавания» (*Rites of Passage*, 1980), как и все другие романы писателя, имеет яркую дидактическую составляющую. Особенностью данного романа является то, что его дидактичность реализуется не эксплицитно, а через сложный читательский путь познания. Согласно утверждению С.Фиша, в процессе чтения читатель конструирует смыслы, которые могут противоречить друг другу, сменять друг друга, но при этом не исчезают, а сосуществуют на разных этапах прочтения [Fish, p. 48]. В данной статье предпринимается попытка описать представленный в романе «Ритуалы плавания» путь поэтапного познания авторской интенции через непрерывное противопоставление нового старому, что позволит лучше понять особенности дидактизма романа. Голдинг использует широкую палитру нарративных техник для создания непростого в интеллектуальном и эмоциональном отношении пути для своего читателя.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Одним из инструментов построения этого пути является ненадежная наррация, которая позволяет автору виртуозно управлять уровнем доверия читателя нарратору, а также процессом осознания читателем недостаточности своих знаний и ошибочности своих интерпретаций. Ненадежной мы называем наррацию, в которой присутствуют авторские маркеры, создающие несоответствие между авторским и нарраториальными уровнями [Prince, p. 103; Chatman, p. 149]¹. Поскольку при чтении литературы XX в. компетентный читатель всегда ощущает дистанцию между нарратором и имплицитным автором, важно обращать внимание не только на неизбежное присутствие недоступных нарратору смыслов, но и на несоответствия между авторским и нарраториальными уровнями, их диссонанс.

Ненадежность нередко является переменным признаком. Роман «Ритуалы плавания» может рассматриваться как пример «пульсирующей» ненадежной наррации. В начале романа читатель идет путем разобщения с Эдмундом Тальботом, открывая его многочисленные недостатки как персонажа и нарратора: скудность знаний об окружающем мире, излишнюю самоуверенность, неоднозначные моральные ориентиры и недостаточную осведомленность о событиях романа. Однако далее градус ненадежности возрастает, поскольку Тальбот то приближается к морально-этическим установкам, транслируемым имплицитным автором читателю, то снова отдаляется.

Осознание читателем ненадежности наррации происходит постепенно. Первое знакомство с Тальботом позволяет отметить некоторые особенности нарратора: ироничный тон, привычку включать в речь многочисленные литературные ассоциации. Рассказывая о прощании с родителями, Тальбот демонстрирует отстраненный аналитический взгляд на собственные эмоции, уподобляя жизнь литературной игре: «*мы, полагаю, отдали большую дань сентиментальности Голдсмита и Ричардсона, нежели жизнерадостности Филдинга и Смоллетта!*» [Голдинг, с. 294]. Тальботу на данном этапе представляется, что жизнь подражает литературе, потому что ему пока доступно только теоретическое книжное знание, при помощи которого он пытается объяснить и классифицировать явления окружающего мира. Эта начальная ситуация готовит читателя к противопоставлению знания теоретического и знания жизненного, которое станет одной из основных тем в романе. Юный Тальбот образован, обладает некоторым чувством юмора и с интересом наблюдает за происходящим вокруг. Его взгляд на окружающее — взгляд превосходства, он смотрит на все и на всех сверху вниз, с ощущением, что способен все понять и проникнуть «в суть вещей». Первые страницы романа, позволяя читателю познакомиться с Тальботом, подготавливают к дальнейшему проявлению ненадежности наррации, но явные маркеры пока отсутствуют. По словам Г. Ольсон, «читатель читает буквально до тех пор, пока текстуальные маркеры и указатели не заставляют его пересмотреть свои интерпретации» [Olson, p. 95].

Далее высказывания и поведение Тальбота вступают во все более очевидное противоречие с ожидаемыми мировоззренческими и этическими нормами имплицитного читателя. В результате происходит отдаление читателя от Тальбота, кредит доверия оказывается исчерпанным. В качестве примера можно привести разговоры Тальбота со слугой Виллером. Первая беседа воспринимается почти как

¹ Некоторые виды описываемых в данной статье маркеров соответствуют тем, которые перечисляет Ш. Риммон-Кенан [Rimmon-Kenan, p. 101].

разговор на разных языках. Виллер говорит пассажиру о безопасности их судна, но в его речи неявно присутствует мысль о неизбежном риске морского путешествия, в то время как Тальбот возмущается, демонстрируя чувство своей исключительной важности: «Виллер ободрил меня сообщением, что уверен — на нашей посудине “надежнее, чем на многих покренче нашей”. Надежнее!» [Голдинг, с. 297]. Речь Виллера можно назвать одним из первых в романе маркеров ненадежности нарратора, поскольку у читателя появляется возможность усомниться в объективности суждений Тальбота.

Иногда для того, чтобы добавить в повествование точку зрения, отличную от точки зрения нарратора, не обязательно вводить прямую или косвенную речь другого персонажа. У Голдинга с этой целью часто используются неречевые реакции героев, которых бывает достаточно, чтобы заставить читателя взглянуть на нарратора со стороны. Первое серьезное испытание для самоуверенности Тальбота — морская болезнь. Сперва Виллер ухмыляется, когда юноша утверждает, что не подвержен этому недугу. Затем читатель имеет возможность увидеть авторскую иронию в описании того, как жестокая морская болезнь настигает юношу. Кроме того, сами события могут играть роль маркеров ненадежности: первые трудности плавания заставляют Тальбота, как бы он ни старался казаться заправским моряком, прислушиваться к советам Виллера [Голдинг, с. 301]. Благодаря сценам общения Тальбота со слугой задаются предпосылки для появления в романе множественности точек зрения. Упомянутые выше неречевые реакции Виллера, а также его осведомленность о происходящем на корабле дают возможность предположить, что Тальбот не только сам изучает окружающую его обстановку, но и может стать объектом изучения.

Некоторые маркеры следует отнести к категории этических: читатель отдаляется от нарратора, потому что ему становится все труднее принимать этически неоднозначные установки Тальбота. Вызывая у читателя неприятие этических норм нарратора, автор тем самым актуализирует читательские установки, необходимые для восприятия текста, более соответствующего замыслу писателя. Иными словами, читатель начинает осознавать дистанцию между морально-этическими позициями имплицитного автора и нарратора. По утверждению У. Бута, автор формирует этические установки, которые читатель должен принять — как минимум на время прочтения романа, для его адекватного восприятия [Booth, p. 138]. Например, отбор элементов для дневника, являющийся прерогативой нарратора, неоднозначно характеризует отношение Тальбота к окружающим. Тальбот описывает неприятные физиологические проявления морской болезни пастора Колли иронически, без тени сочувствия: «*матрос... подхватил сию козявку Божию под мышки и... потащил беднягу с глаз долой. Я послал ему вслед несколько крепких слов: он запачкал мне дождевик. Но... благой порыв ветра, окативший меня дождевой и морской водой, смыл оставленный на мне пасторский след*» [Голдинг, с. 304]. Читатель ожидает, но не видит сочувствия Тальбота, который и сам подвержен морской болезни, — вместо этого персонаж демонстрирует равнодушие и веселье: «*Не знаю, отчего, но хотя вода больно хлестнула меня по лицу, я пришел в отменное расположение духа*» [Там же].

Следующий этап на читательском пути состоит в постепенном узнавании общественных воззрений молодого человека. Если раньше его поведение и речь вос-

принимались только как проявление личностных качеств, то теперь становится очевидным, что за этим стоит идеология. В привычке оценивать людей по их внешнему виду и манерам проявляется кастовое мышление. Таким образом на страницах романа появляется тема социальной иерархии британского общества. В значительной степени именно по этой причине в ироническом тоне, знакомом читателю с самого начала, появляется все больше циничности. В частности, тема религии рассматривается Эдмундом не в моральном, а исключительно в социальном аспекте: для него религия — способ сохранения порядка: «*в государстве главный довод сохранения национальной церкви тот, что у нее в одной руке кнут, а в другой, осмелюсь сказать, несбыточная надежда*» [Голдинг, с. 309].

Понятия честности и искренности не имеют для Тальбота абсолютной ценности: «*Мне подумалось, что это подходящий момент испытать свои незрелые, ученические силы по части лести, каковую Ваша светлость наставляли меня употреблять в качестве passe-partout*» [Голдинг, с. 310]. Кастовое мышление проявляется в еще более резкой форме в изображении Тальботом простых пассажиров, наблюдающих за тем, как моряки определяют по солнцу местоположение судна. В его рассказе появляется интонация натуралиста, описывающего мир живой природы: «*В их интересе было что-то трогательное, подкупающее, как во внимании собаки, которая сосредоточенно слушает разговор, который вряд ли способна понимать*» [Голдинг, с. 323]. На новом этапе познания читатель видит, что для Тальбота общественное неравенство — не условность, а проявление естественного закона: «*я ближе чем когда-либо подошел к уразумению таких понятий, как “долг”, “привилегии” и “власть”, увидев их в новом свете... Право, пока я не увидел воочию, как эти парни, подобно мильтоновским голодным баранам, глядят снизу вверх, я не думал о природе своих честолюбивых стремлений*» [Голдинг, с. 323]. Таким образом, неоднозначные и явно негативные в глазах западного читателя конца XX в. воззрения Тальбота становятся более очевидными. Этот процесс делает абсолютно явной дистанцию между нарратором и имплицитным автором, поскольку текст Тальбота уже не может мыслиться как отражение объективного взгляда на окружающее. Следовательно, осознание ненадежности нарратора Тальбота не следует связывать только с одним, пусть и чрезвычайно важным эпизодом романа, в котором нарратором становится другой персонаж (читатель читает письмо пастора Колли и видит Тальбота его глазами)². Это постепенный процесс, начинающийся с первых глав романа.

Осознание Тальботом ошибочности своего первоначального поведения может рассматриваться как шаг в сторону уменьшения дистанции между нарратором и имплицитным автором, то есть уменьшения градуса ненадежности наррации. О такой разновидности ненадежности пишет Дж. Фелан, называя ее сближающей: «*расхождения между описаниями, интерпретациями и оценками нарратора, с одной стороны, и заключениями авторской аудитории — с другой, имеют парадоксальный результат — сокращение интерпретационной, эмоциональной или этической дистанции между нарратором и авторским адресатом. Иными словами, хотя авторский адресат видит ненадежность нарратора, эта ненадежность включает некоторую информацию, которую имплицитный автор, и следовательно авторский адресат, подтверждает*» [Phelan, p. 225]. Отметим, однако, что в данном случае (как

² Так утверждает, в частности, Ф. Редпат [Redpath, p. 62].

и в одном из приводимых Дж. Феланом примеров — второй части романа «Лолита» В. Набокова) сближение происходит не благодаря ненадежности, а вопреки ей, то есть из-за того, что градус ненадежности снижается.

Можно описать ситуацию следующим образом: Тальбот и читатель идут схожими путями познания, и там, где они оказываются на близких этапах, у читателя возникает ощущение уменьшения ненадежности наррации и сближения с нарратором; там же, где читатель делает шаг вперед, ощущение ненадежности усиливается. Например, после интимного свидания с красоткой Зенобией Тальбот чувствует себя подавленно. Вероятно, причина в общем неприятном впечатлении от искусственности и примитивности этих отношений, от того, что он цинично использовал женщину для удовлетворения своей потребности [Голдинг, с. 369]. Однако краткий момент внутренней тревоги проходит, и рассуждения о Зенобии вновь забавляют Тальбота, возвращая в хорошее расположение духа [Голдинг, с. 369–370]. Такие ситуации характерны для Голдинга и будут неоднократно встречаться в романе: сначала мы видим выход персонажа за пределы своего обычного жизненного знания, постижение чего-то печального или трагичного, затем возвращение. Указывая на этот прием, Б. Дик использует метафору затягивающегося и ослабляющегося узла [Dick, p. 120]. Эта особенность повествования не позволяет и читателю оставаться в зоне комфорта, потому что он не может окончательно определиться со степенью доверия к суждениям и настроениям Тальбота.

Пример сближения читателя с нарратором можно увидеть в том, что через некоторое время после начала плавания Тальбот иначе позиционирует себя на корабле. Если вначале он априори считает себя чуть ли не самой важной персоной, ожидает исполнения прихотей даже со стороны капитана, то теперь он ощущает непрочность своего положения в корабельном обществе. Так, получив от помощника капитана Саммерса приглашение составить ему компанию в пассажирском салоне, Тальбот радуется возможности упрочить свой социальный статус: «*Конечно, это не то, что капитан, но... второе лицо на корабле... Начинаем продвигаться в обществе!*» [Голдинг, с. 329]. Однако это лишь небольшое сближение, потому что на данном этапе это еще не сомнение Тальбота в правильности иерархического мышления, а лишь констатация того факта, что его положение в корабельной иерархии не такое высокое, как он хотел и предполагал.

Маркеры, указывающие на несоответствие между авторским и нарраториальным уровнями, могут создаваться при помощи литературных аллюзий. Цитата из «Баллады о старом мореходе» С. Кольриджа, невзначай произнесенная Зенобией в пассажирском салоне, привносит мрачное романтическое настроение, создавая резкий контраст жизнерадостному и ироническому тону Тальбота [Голдинг, с. 341]. Тема одиночества в море противоречит событийному ряду: корабль переполнен людьми, а в пассажирском салоне собралось большое общество. Распознать этот маркер непросто, но романтическая поэзия становится предвестником перемен: далее в центре внимания окажется то, что сейчас оказывается за рамками описания, — душевная жизнь человека, а одиночество будет для персонажей и мечтой, и трагедией.

Важным маркером ненадежности являются сны Тальбота, которые рассказывают о его эмоциональном состоянии. Читатель узнает из снов то, что Тальбот либо не хочет, либо не может рассказать напрямую. Например, в первом сне появляется

больная женщина со впадиной на лице, в которой Тальбот видит темную бездну [Голдинг, с. 353]. Благодаря этому сну читатель воспринимает не только скрытую тревогу Тальбота, но и явное авторское послание — метафору тьмы внутри человека, которая становится зримой. Этот тревожный и мрачный образ тьмы, сначала спрятанной, а потом видимой, является сквозным для творчества Голдинга, и данный сон можно интерпретировать, в частности, как автоаллюзию на заглавный образ романа «Зримая тьма».

Еще один фактор, влияющий на степень читательского доверия дневнику Эдмунда, — информационные лакуны. Так, глава «(12)» написана Тальботом после длительного перерыва, вызванного болезнью. Подобные перерывы делают повествование отрывочным, создавая впечатление, что многое остается за кадром. Таким образом, читатель воспринимает текст как набор фрагментов, не способных претендовать на полноту охвата событий. Подобный маркер ненадежности вновь используется тогда, когда разворачиваются центральные события романа — праздник Нептуна и издевательства моряков над пастором Колли. Весь корабль живет недавними событиями, и вне игры оказывается только Тальбот, проведший время праздника в каюте с Зенобией. Таким образом, наш единственный источник оказывается совершенно неинформативным. Разрозненные факты и обрывки разговоров не позволяют читателю воссоздать картину произошедшего. Читательское любопытство и смутное понимание того, что вне поля зрения осталось что-то важное и серьезное, противопоставляются равнодушию Тальбота. Несмотря на то что становятся известны некоторые важные факты, история перестает занимать Тальбота уже через четыре дня после произошедшего. Читатель же пребывает в состоянии саспенса: он заинтригован недостатком информации о Колли и продолжением истории, что контрастирует со скукой Тальбота, который находится «в тупике лабиринта» [Kinkead-Weekes, Gregor, p. 261] познания жизни.

В некоторых случаях нарратор признает свою неправоту, критически переосмысляет свои более ранние высказывания, то есть вместе с читателем видит свою этическую ненадежность. Роман «Ритуалы плавания» предполагает постоянное переосмысление и воображаемое, а иногда, в случае особо внимательного читателя, настоящее повторное чтение более ранних фрагментов текста. Играя с читателем, автор создает и параллельный процесс: сам Тальбот не только переосмысляет свои более ранние поступки, но и перечитывает более ранние записи в дневнике. В качестве примера можно привести общение Тальбота с помощником капитана Саммерсом. Не думая обидеть офицера, который поднялся до этого ранга из низшего сословия, Тальбот хвалит его за блестящую имитацию манер людей благородного происхождения, о чем Саммерс позднее ему напоминает: *«вы сами некоторым образом недвусмысленно выразили мнение, что происхождение неудалимым клеймом запечатлено у каждого на лбу»* [Голдинг, с. 395]. Слова Саммерса заставляют Тальбота в буквальном смысле перечитать свою дневниковую запись. Оказывается, если думать о Саммерсе как о человеке со своими чувствами и амбициями, а не как о социальной функции, если думать о том, как не обидеть собеседника, а не просто не преступить формальные законы вежливости, то ранее высказанный комплимент превращается почти в оскорбление. Признавая свою неправоту, нарратор сокращает дистанцию между собой и читателем. Например, рассуждая о возможном поведении капитана, Тальбот признает, что не уверен в своей способности по-

нимать людей: «Кто я такой, что возомнил себя способным проникнуть в природу этого человека...?» [Голдинг, с. 415].

Саммерс возлагает на Тальбота большую ответственность за то, что Колли был унижен капитаном, а затем стал объектом травли офицеров. С одной стороны, его упреки подтверждают настороженное отношение читателя к Тальботу. С другой стороны, Саммерс дает такую трактовку поведения Тальбота, которая одновременно убедительна и неожиданна для читателя. Оказывается, то, что капитан унижил Колли, — прямое следствие высокомерного поведения Тальбота с капитаном: «если бы тогда вы не вели себя так, как вели, он минутой спустя не обрушился бы на Колли, излив на него свой гнев, не унижал бы его, потому что не мог унижить вас» [Голдинг, с. 403]. Слова Саммерса производят сильное впечатление как на Тальбота, так и на читателя, потому что, несмотря на неожиданность подобного взгляда, они соответствуют уже известным фактам и кажутся вполне логичными. Читатель может провести те же параллели, которые проводит Саммерс. Однако автор ведет тонкую игру: у читателя создается впечатление, что он мог сделать те же выводы, что и Саммерс, но не сделал их. Таким образом, обнаруживая ненадежность нарратора Тальбота, читатель обнаруживает и свою собственную «ненадежность».

Текст не дает читателю встать в позицию праведного судьи, всегда справедливо решающего, кто прав и кто виноват. Например, даже тогда, когда ответственность Тальбота за трагедию Колли становится очевидной, мы понимаем, что ни одно его действие по отношению к пастору не может быть названо жестоким. Тальбот жил в своем мире умствования, равнодушных и остроумных наблюдений, но комедия незаметно переросла в трагедию: «Я мог бы спасти его, думай я чуточку меньше о собственной персоне и об опасности умереть от скуки! Ох уж эти взвешенные суждения, любопытные наблюдения, фейерверк остроумия...» [Голдинг, с. 451].

Письмо пастора Колли, включенное в роман, еще больше усложняет его смысловую организацию и демонстрирует множество маркеров ненадежности. Во-первых, это маркеры ненадежности наррации Тальбота. Во-вторых, наррации самого Колли. Читатель знакомится с иным взглядом на уже известные события, а информационные лакуны заполняются самым неожиданным образом. В первой части письма основным источником эмоционального воздействия на читателя оказываются не столько факты, изложенные Колли, сколько резкий контраст двух нарраторов, который проявляется в основополагающих принципах восприятия ими окружающего мира: «Мы, действительно, получаем новые “документальные” свидетельства, но что является важным — это то, как они окрашены... разумом и чувствами абсолютно отличными от тех, в которых мы обитали» [Kinkead-Weekes, Gregor, p. 264]. Непосредственность делает восприятия ярким, эмоциональным, более полным. Например, хотя Тальбот, а не Колли, высказывал планы овладеть морским делом, именно у пастора мы находим более подробное описание корабля, а также красот природы, которых, как читатель теперь может понять, Тальбот не замечал. Этот контраст сам по себе не является явным маркером ненадежности, но уменьшает читательское доверие к Тальботу, потому что демонстрирует ограниченность его восприятия.

Сравнения, которые приводит Колли, напоминают о его низком происхождении, подтверждая догадки Тальбота: «злой каприз природы может взять и переломить их (мачты — А.Л.)... как одним резким вращательным движением руки

выламываем мы морковную ботву» [Голдинг, с.455]. Однако теперь крестьянское происхождение видится иначе. Простые (а не искаженные играми разума, как у Тальбота) человеческие чувства, например тоска о родных краях, о кладбище, где упокоены родители Колли, сами по себе понятны, но их описание способно производить сильный эффект на читателя по контрасту с текстом Тальбота, показывая, что таким мог бы быть, но не стал его дневник.

Однако и Колли не суждено стать надежным нарратором, потому его наивность постепенно доходит до абсурда. Пастор верит в искренность жеманницы Зенобии и в благочестие моряков, не обижается на явно дерзкую шутку моряка Смайлза и, более того, видит в Тальботе истинного друга и набожного христианина. Степень искаженности восприятия внешнего мира у пастора увеличивается: в начале чтения его дневника особенность его восприятия кажется трогательной невинностью, потом осознается как наивность, а в финальной части превращается в чрезвычайную глупость.

Когда глупость и наивность Колли становятся очевидными для читателя, наряду с глубокими различиями Тальбота и Колли, начинает угадываться неожиданное сходство двух персонажей. Например, в тот момент, когда пастор, совершенно ничего не понимающий в социальной жизни корабля, решает, что должен посетить капитана. Читатель помнит, что точно такое же ошибочное решение принял в свое время и Тальбот. Колли, как и Тальбот, плохо понимает окружающих людей и руководствуется книжным знанием, которое ведет его к ложным умозаключениям и неверным поступкам. Таким образом, читатель склоняется к тому, чтобы отнестись к наивности Колли со снисхождением, а также к тому, чтобы еще более критично отнестись к Тальботу, который считает себя несравненно образованнее и умнее пастора.

Хотя Колли во многом не менее ненадежный нарратор, чем Тальбот, поскольку он ошибочно и чрезвычайно наивно трактует поступки окружающих, его ненадежность может трактоваться как сближающая [Phelan]: подобно Геку в «Приключениях Гекльберри Финна» М. Твена, он вызывает симпатию читателя и парадоксальным образом приближается к авторской этической позиции. Автор говорит с читателем на языке ненадежности нарратора, то есть приближение нарратора к авторской позиции происходит не вопреки, а благодаря ненадежности. То, что и наррация Колли, и некоторые фрагменты наррации Тальбота относятся в терминологии Дж. Фелана к одному типу, представляется нам недостатком этой терминологии и указывает на необходимость более детальной разработки классификации типов ненадежности.

Ненадежность наррации в романе «Ритуалы плавания» смыкается с его центральной философской идеей о принципиальной непостижимости жизни и ограниченности человеческих возможностей познания. Ни у Тальбота, ни у читателя нет ответа на вопрос, в чем причина смерти Колли и кто в ней виноват. Смерть пастора овеейна для нас тайной, но еще большей тайной Тальбот хочет сделать ее для сестры Колли, когда собирается написать ей письмо, полное утешительной лжи [Голдинг, с. 510]. Таким образом, оказывается, что читатель, Тальбот и сестра пастора находятся всего лишь на разных ступенях незнания. Эта ситуация, по мнению С. Бойда, отсылает читателя к роману «Сердце тьмы» Дж. Конрада: история Куртца остается неразгаданной тайной, точнее, тайнами, различающимися для его невесты и Марлоу как по степени нераскрытости, так и по содержанию [Boyd, p. 159–160].

Попытка найти правду о смерти Колли при помощи официального расследования провалилась, и история предается забвению. Нет ответа и у Тальбота, который сначала обвиняет во всем себя, но спустя время признает связь между своими поступками и злонамеренными действиями капитана зыбкой [Голдинг, с. 521]. И хотя для читателя может стать неожиданностью такая быстрая смена взгляда на произошедшее, сложно не согласиться, что связь действительно не так очевидна. Все зависит от субъективного взгляда на события, и невозможно дать окончательный ответ на вопрос, кто виноват в смерти Колли. Ситуация слишком сложна и неоднозначна, она заставляет нас задуматься о тех моральных категориях, человеческих качествах и поступках, которые находятся вне компетенции общественной морали и закона.

Отдельного внимания в романе «Ритуалы плавания» заслуживают стилистические маркеры ненадежной наррации. Временная близость действия и рассказа делает манеру письма отражением состояния Тальбота и косвенным источником информации о происходящих событиях. Сквозная антитеза романа — противопоставление теоретического и жизненного знания — проявляется не только на событийном уровне. Противопоставлены планы Тальбота относительно содержания и стиля дневника и то, каким дневник становится в реальности: «*Ни интересных происшествий, ни острых наблюдений, никаких, смею сказать, блесков ума*» [Голдинг, с. 306]. Тальбот перестает успевать за событиями и вынужден констатировать, что рассказывает о событиях не того дня, в который пишет, а дня предыдущего. Это можно трактовать как завуалированное послание читателю от имплицитного автора: помнить об ограниченности знаний и возможностей нарратора. Жизнь в прямом смысле не втискивается в рамки письменного рассказа, и в этом можно увидеть буквальную реализацию одной из философских идей романа — идеи ограниченности способности человека понимать жизнь. Следует отметить, что несостоятельность своих взглядов в области словесного творчества Тальбот признает гораздо раньше, чем ошибочность своих взглядов и поступков, и первое становится предпосылкой для второго.

Итак, одним из основных инструментов конструирования сложного читательского пути в романе «Ритуалы плавания» является ненадежная наррация. Благодаря разнообразным маркерам читатель постепенно осознает ненадежность основного нарратора Тальбота, но в тексте также присутствуют фрагменты, в которых градус ненадежности нарратора понижается и происходит сближение нарративного и авторского уровней. Среди маркеров ненадежности можно отметить прямую и косвенную речь персонажей, а также их неречевые реакции; противоречие мировоззренческих и этических норм нарратора мировоззренческим и этическим нормам имплицитного читателя; аллюзии на тексты Голдинга и других авторов, привносящие недоступные нарратору смыслы; информационные лакуны, создающие впечатление, что слишком многое остается за рамками повествования; сны Тальбота, дающие дополнительные сведения о его чувствах; стилистические особенности речи нарратора; противопоставление двух нарраторов. Ненадежность наррации в романе «Ритуалы плавания» заставляет читателя сомневаться не только в нарраторе, но и в самом себе и служит одним из инструментов реализации центральной философской идеи романа о принципиальной непостижимости жизни и ограниченности человеческих возможностей познания.

Литература

- Голдинг 2000 — Голдинг У. *Зримая тьма*. СПб.: Симпозиум, 2000. 541 с.
- Booth 1978 — Booth W. *The rhetoric of fiction*. 2nd ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1983. 572 p.
- Boyd 1988 — Boyd S. J. *The novels of William Golding*. Brighton: Harvester Press, 1988. 218 p.
- Chatman 1978 — Chatman S. *Story and Discourse: narrative structure in fiction and film*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1978. 277 p.
- Dick 1987 — Dick B. F. *William Golding*. Boston; Mass.: Twayne, 1987. 168 p.
- Fish 1980 — Fish S. *Is there a text in this class? The authority of interpretive communities*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1980. 401 p.
- Kinthead-Weekes, Gregor 2002 — Kinthead-Weekes M., Gregor I. *William Golding: a Critical Study of the Novels*. 3rd. rev. ed. London: Faber & Faber, 2002. 423 p.
- Olson 2003 — Olson G. "Reconsidering Unreliability: Fallible and Untrustworthy Narrators." *Narrative*. 11 (1), 2003: 93–109.
- Phelan 2007 — Phelan J. "Estranging Unreliability, Bonding Unreliability, and the Ethics of Lolita." *Narrative*. 15 (2), 2007: 222–238.
- Prince 2003 — Prince G. *A Dictionary of Narratology*. Revised ed. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 2003. 137 p.

Для цитирования: Ласточкина А.С. Ненадежная наррация в романе У.Голдинга «Ритуалы плавания» // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 1. С. 17–26. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.102.

References

- Голдинг 2000 — Golding, W. *Darkness Visible*. St. Petersburg, Symposium, 2000, 541 p. (in Russian)
- Booth 1978 — Booth W. *The rhetoric of fiction*. 2nd ed. Chicago, The University of Chicago Press, 1983. 572 p.
- Boyd 1988 — Boyd, S. J. *The novels of William Golding*. Brighton, Harvester Press, 1988. 218 p. (in English)
- Chatman 1978 — Chatman, S. *Story and Discourse: narrative structure in fiction and film*. Ithaca, Cornell Univ. Press, 1978. 277 p. (in English)
- Dick 1987 — Dick, B. F. *William Golding*. Boston; Mass., Twayne, 1987, 168 p. (in English)
- Fish 1980 — Fish, S. *Is there a text in this class? The authority of interpretive communities*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1980. 401 p. (in English)
- Kinthead-Weekes 2002 — Kinthead-Weekes, M., Gregor I. *William Golding: a Critical Study of the Novels*. 3rd. rev. ed. London, Faber & Faber, 2002. 423 p. (in English)
- Olson 2003 — Olson, G. Reconsidering Unreliability: Fallible and Untrustworthy Narrators. In: *Narrative*, 2003, vol. 11, no. 1, pp. 93–109. (in English)
- Phelan 2007 — Phelan J. Estranging Unreliability, Bonding Unreliability, and the Ethics of Lolita. In: *Narrative*. 2007, vol. 15, nr. 2, pp. 222–238. (in English)
- Prince 2003 — Prince G. *A Dictionary of Narratology*. Lincoln, Univ. of Nebraska Press, 2003. 137 p. (in English)

For citation: Lastochkina A. S. Unreliable Narration in W. Golding's Novel "Rites of Passage". *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 1, pp. 17–26. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.102.

Статья поступила в редакцию 16 октября 2015 г.
Статья рекомендована в печать 29 апреля 2016 г.